

— Редчайший случай, когда Тюлька поймала человека, а не наоборот, — отхлебнув глоток ароматного кофе, сказал Муромец. — А ведь хороший парень этот Гидроль. Милый, скромный, дисциплинированный. И актер прекрасный. А вот связался... — и Илья Самойлович в раздражении плюнул в свою же чашку.

— Между прочим, — заметил Сильвестров, — с этим Гидролем четыре года назад произошла забавная штука. Если хотите — могу рассказать, времени до начала еще четверть часа.

Присутствующие охотно согласились, и Андрей Никитич начал:

РАССКАЗ СИЛЬВЕСТРОВА О ПАРИЖСКОЙ МОДЕ

КОГДА приземлившись вдалеке самолет подкатил к перрону аэропорта «Шереметьево», первым по трапу спустился впервые тогда приехавший к нам молодой черноглазый француз — наш нынешний добрый друг и соратник Пьер Гидроль. Он сразу же попал в объятия Сережи Желудкевича (он у нас, как всем известно, по французским деятелям первый человек, да и язык знает прекрасно). А с Пьером у него дружба давняя, он снимал уже его во Франции в одном совместном. Тут же, как положено, вспыхнули «блицы», защелкали «фэды» и «зоркие», и, короче говоря, вся завтрашняя пресса была полностью обеспечена фотографиями трогательной встречи двух знаменитостей.

Так как самолет сильно опоздал, времени оставалось в обрез, наш дорогой гость вместе с Сережей буквально на минутку заехал в гостиницу, чтобы переодеться и сразу же отправиться на творческую встречу сюда, во Дворец, куда еще накануне завезли коробки с его новым фильмом «Дедушки из Рокфора».

Пьер быстроногий распахнул чемодан и вдруг выдал по-русски знаменитое лаконичное ругательство — первая фраза, которую он выучил, снимаясь у Желудкевича. Затем перешел на родной, французский:

— Так я и знал! В спешке Сюзанна не уложила мой черный пиджак! Брюки здесь, а пиджак в Париже, висит на стуле в спальне. Каждый раз то же самое!

Желудкевич пытался уговорить своего друга ехать на встречу в дорожном виде, в сером пуловере и заношенных джинсах, но француз, привыкший к строгому пара-

ду торжественных премьер, отказался наотрез.

— Есть еще выход, — предложил Желудкевич. — Я быстро съезжу домой и привезу тебе мой черный пиджак. Между прочим, по материалу вполне подойдет к твоим брюкам. И шит тоже в Париже...

Наш друг Сергей любит слегка пофигистить. Пьер, как мы, впоследствии с ним работавшие, убедились, парень пунктуальный, взмолился:

— Только поскорей, ради бога, осталось всего полчаса до начала!

ниту «Стриптиху», и этот забавный эпизод с пиджаком совершенно изгладился из его памяти.

Но вот в конце декабря Желудкевич с трудом освобождается на три дня, прилетает в Москву, чтобы встретить Новый год с Нюсей, своей женой, недавно вернувшейся с балетных гастролей по Дальнему Востоку и полгода не видевшей мужа. За час до начала новогоднего вечера здесь, во Дворце, наш уважаемый мэтр, весело насвистывая лейтмотив из «Стриптиха», одевался перед зеркалом в спаль-

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

«ИНТЕРЕСНОЕ КИНО»

Глава из сатирической повести

Действие сатирической повести — гиперболы «Интересное кино», происходит в начале семидесятых годов. В основе ее сюжета — случайная встреча двух молодых людей с абсолютно совпадающей внешностью. Один из них — Ванадий Штанишко — режиссер на студии «Кинофильм», а второй — Алексей Питухов — дегустатор сыров, страстно желающий приобщиться к кинотворчеству. В результате встречи герои повести обмениваются паспортами. Питухов на неделю становится кинорежиссером, а Штанишко на это время уезжает в деревню отдохнуть от съемок...

Публикуемый отрывок рассказывает о торжественной церемонии открытия пещеры, посвященного закрытию сезона во Дворце кино.

Полностью повесть «Интересное кино» выходит в ближайшие месяцы в издательстве «Киноцентр».

Ровно через двадцать минут Желудкевич вернулся в гостиницу со своим черным пиджаком и торжественно надел его на нервноичающего гостя. Пиджак пришелся впору, но только рукава оказались крайне короткими, чуть не до локтя.

— А, черт с ним, сойдет и так! Прекрасный пиджак! — говорит Пьер, и они оба отправляются на премьеру.

Когда французского гостя объявили и он появился на сцене — весь зал ахнул и загудел, настолько странно выглядела зарубежная знаменитость. А наша публика, вы знаете, всякого насмотрелась. Но председательствующий на вечере Сережа Желудкевич объяснил публике, что это самый последний крик парижской моды и, посмеиваясь в кулак, предоставил слово гостю.

В общем, встреча прошла прекрасно, фильм понравился и растроганный француз в этот же вечер отбыл в Ленинград, предварительно вернув Сергею одолженный пиджак. А наутро и сам Желудкевич уехал в трехмесячную экспедицию снимать свою впоследствии печально знаме-

не. Входит Нюся и торжественно объявляет:

— Сейчас будет сюрприз!

Она приказывает Сергею зажмуриться и что-то на него надевает. И когда супруг открывает глаза и смотрит на себя в зеркало, то обомлевает. На нем красуется его любимый черный пиджак, но с укороченными по локоть рукавами. И, как сквозь сон, как он мне потом рассказывал, слышит радостные и возбужденные слова любящей супруги:

— Это, милый, наиновейшая парижская мода! Когда я вернулась с гастролей, подруги мне про нее рассказали. Они видели нашего дружок Пьера во Дворце точно в таком же пиджаке. И ты сам еще подтвердил, что это «последний крик». И вот я укоротила тебе рукава, чтобы ты выглядел элегантным, красивым и современным. Поблагодари же свою находчивую женушку! Что ты так на меня смотришь?..

— В общем, Сергей встречал этот Новый год в светло-серой паре, — закончил свой рассказ Сильвестров.

— Однако, пора двигаться, — сказал Муромец, когда все отсмеялись. — Уже второй звонок...

...Интересный факт подметил Автор — прямую зависимость между количеством звонков, возвещающих о начале мероприятия, и географическим расположением пунктов, где эти мероприятия проводятся. И чем южнее этот пункт, тем большее количество звонков должно прозвучать, чтобы многочисленные (а подчас и не) собравшиеся граждане заняли места в зрительном зале. И действительно, в далеком заполярном Дворце культуры, занимающем, как обычно, две трети территории поселка, все двести десять человек населения (включая грудных детей) терпеливо ожидают начала концерта задолго до первого звонка в огромном, тысячечасном зале. И прозвучавший первый звонок отнюдь не предназначен здесь для призыва в зал. Нет, он просто подтверждает, что несмотря на разбушевавшуюся пургу долгожданные артисты все-таки прилетели.

Воспитанным, дисциплинированным ленинградцам достаточно двух звонков, чтобы зал филармонии был заполнен до отказа старичками и старушками, придерживающимися моды эпохи первой мировой войны, и зеленой молодежью, одетой по той же моде. Оркестранты давно на своих местах, настроились по гобойному «ля», и сразу после третьего звонка все затихает и в зале вспыхивают аплодисменты, синхронно с появлением высокого, элегантного Мравинского, уверенно пробирающегося к своему пульта мимо почтительно отодвигающихся скрипачей.

Ну а в южной Одессе нервно заливающимся восьмым и девятым звонкам так и не удается, вот уже в течение получаса, загнать в зал потомков «пикейных жилетов», горячо обсуждающих в фойе последствия энергетического кризиса в Голландии, падения курса йены и скаковые достижения английской принцессы Анны.

Москва, как читатель, может быть, знает, находится несколько южнее Ленинграда, а потому привыкла к своим классическим трем звонкам. И впрямь, зал Дворца после третьего звонка был уже полон. Незанятыми были, как обычно, три первых ряда. Особенности конструкции Большого зала были таковы, что вследствие крайней изогнутости партера зрители левой половины первых трех рядов могли со своих мест видеть перед собой исключительно публику правой сто-

роны — сцена и экран находились вне поля их зрения. То же было и с противоположными зрительными, без всякого энтузиазма любовавшимися своими левыми соседниками. Поэтому-то первые ряды пустовали, и только одно место, крайнее левое в первом ряду, было всегда занято. Там, как обычно, сидел косоый художник Павло Пикасон. Сложные оптические законы преломления лучей давали ему полную возможность, сидя в кресле лицом к боковому входу и глядя прямо перед собой, видеть все происходящее на сцене.

А на сцене происходило вот что: за длинным столом президиума разместились весь цвет отечественного кинематографа. А так как отечественный кинематограф начинал входить очень поздно, обычно после сорока лет, то украшением президиума были, в основном, лысыни, седые шевелюры и многократно перекрашенные за долгую и счастливую жизнь их владельцев затейливые парикмахерские конструкции ведеет и старлетт.

Привычно председательствующий Сильвестров встал, ласково оглядел зал и терпеливо улыбаясь, пока найдут свои места ползающие на коленях между рядами и по ступенькам опоздавшие — номера рядов были прибиты в зале к паркету около кресельных ножек, а номера мест красовались на нижней стороне сиденья.

Когда шум в зале стих, Андрей Никитич взял в руки микрофон, который в испуге тут же пронзительно заверещал на весь зал, после чего немедленно затих с зажатым председателем горлом, и вместо бархатного баритона Сильвестрова зал услышал только шепот и робкое дыхания. Доброхоты из президиума принялись наперебой щелкать по микрофону ногтями, пока механик в будке не прибавил усиление, доведя щелканье до полнозвучной метрономной четкости.

Забрав микрофон обратно у по-детски забавлявшегося щелканьем старейшего кинематографиста Горю (отца), Андрей Никитич, все так же широко и доброжелательно улыбаясь, начал:

— Друзья! Теперь я попрошу сказать несколько слов нашего замечательного мастера, товарища и любимого коллегу Макара Сергеевича Каздалевского, которому принадлежит высокая честь открытия сегодняшнего закрытия.

(Продолжение следует).